

УДК 821.161.3

С.Э. Сомов (Могилев, Беларусь)

ИДЕЙНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СЛОВ И РЕЧЕЙ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО К ВЛАСТЬПРИДЕРЖАЩИМ

The activities of the famous educator George Konisski, archbishop of Mogilev and Belarus (1755 – 1795), was spent in a difficult historical religious persecution of Orthodox believers in the Commonwealth of the Catholic and Uniate. Their hopes for the protection of freedom of conscience Konisskogo linked to Russian imperial power, which is reflected in his oratorical speeches to Catherine the second, and the King Stanislaw Poniatowski.

Во второй половине XVIII в. в Польском королевстве на фоне обострения общественно-политических противоречий, особенно ухудшилось и без того весьма плачевное положение православных белорусов. После папской буллы 1751 г., в которой католикам Польши и Литвы прощались все грехи на сто лет вперед за их преданность папе, поляки, как писал Афанасий Мартос, “обезумев от своего вероисповедного фанатизма, ...тиранили бедных православных белорусов и, ложно думая, что служат Богу, еще с большим ожесточением загоняли их в унию” [2, с. 203].

На территории Беларуси сохранилась только одна разоренная епархия – Могилевская, которую после смерти епископа Иеронима Волчанского в 1754 г. униаты при поддержке папы Бенедикта XIV активно пытались закрыть. Архипастырская деятельность нового Могилевского епископа Георгия Конисского (1755 – 1795), бывшего ректора Киево-Могилянской академии, как и его предшественников, протекала в атмосфере издевательств и притеснений, связанных с многочисленными опасностями для жизни.

Свои надежды на изменение катастрофической для белорусского православия ситуации Конисский связывал с русской императорской властью. В 1762 г. он приехал в Россию и 29 сентября произнес “Речь Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Екатерине II ...по совершении священнаго Ея Величества коронования, в Москве”, ходатайствуя о заступничестве за православных под властью Польши.

В этой речи белорусский архипастырь торжественно поздравляет русскую императрицу с восшествием на престол от имени всего белорусского народа, который называет одним из народов, подданных русского престола, не смотря на то, что вся территория Белоруссии находилась под властью другого государства. Главным признаком единства российского и белорусского народов Конисский считает “единоверие” – общую православную веру, поскольку именно она в историческом плане явилась источником глубокого духовного родства восточных славян.

На фоне духовно-религиозной общности более отчетливыми становятся вопиющие различия в положении той и другой народности. Если в России, по словам Георгия, “светильник Веры, от дней Владимировых зажженный, блистает”, то в Беларуси он во многих местах совсем потушен свирепствующими “от Запада” вихрями, под которыми оратор понимает гонителей Православия – католиков и униатов [1, с. 83]; если в России храмы Господни “свободно гремят” славословием, то у белорусов они в большинстве своем отняты, “опустошены и запечатаны” и издают только “сов и вранов гнездящихся гласы”; если в русском обществе почитают древнее благочестие, то в белорусском именоваться “благочестивым” (Георгий подчеркивает это понятие и подразумевает – “православным”, т.е. правовевающим) считается позорным делом, за которое избивают, сажают в тюрьмы, разоряют дома, а нередко и лишают “живота”. При этом благополучие подданных российской короны и бедственное положение белорусов Конисский сравнивает с благословенной Богом Палестиной и “тесным” Египтом – символом места томления и заключения целого народа.

Параллель с ветхозаветным преданием об исходе евреев из рабства помогает оратору в самом начале своей речи определить бесспорный, с его точки зрения, вектор национально-исторической устремленности белорусов – восток, Россия – который освящен высшим смыслом стремления к национально-культурной свободе и независимости, национальному достоинству. (Конисский в тот период, пожалуй не только не размышлял о возможных процессах подавления белорусской национальной культуры со стороны великодержавной России, но даже не мог и полагать этого, поскольку воспринимал все три восточнославянских народности как нечто единое целое).

Конисский утверждает, что с восшествием на престол Екатерины, белорусы связывают надежду избавления, которая их веселит, дает способность смеяться сквозь слезы и даже “в последнем утеснении” и “в горести души” торжествовать. Он не касается “присноцветущих” добродетелей Императрицы (“веры твердой, огненной ревности, любви к Богу и ближнему пречувствительной” [1, с. 83]), не раскрывает их, но, главное, говорит об уже известных народу “созревших плодах” деятельности Государыни по утверждению в России “светильника Веры”, которые обнадеживают православных белорусов, ожидающих принесения им Екатериной таких же плодов в будущем. Путь Екатерины на престол архиерей называет путем жертвенным, когда она за Веру и Отечество подвергла саму жизнь свою опасности. В панегирической по существу речи Георгий Конисский утверждает высшее предназначение Императрицы, ее судьбы: Бог посадил ее на престол, Бог вручил ей скипетр (власть) для того, чтобы она трудилась для Веры,

для Отечества, а помимо этого “еще же и для покровительства единокровных”, т.е. единоплеменных русским белорусов [1, с. 84].

Заканчивает свою пламенную речь Георгий молитвенным обращением к Богу о покровительстве Русской Императрице, и к самой Екатерине с возгласом: “не посрами нас, Надежда наша, в чаянии нашем! Спаси нас десницею Твоею, и мышцею Твоею покрой нас!”.

Таким образом главный смысл речи Георгия заключается в призыве к русской императрице взять под свое покровительство православных белорусов.

Тема бедственного положения последних была развита Конисским в его прославленной “Речи Польскому Королю Станиславу Августу, произнесенной в Варшаве” 27 июля 1765 г. на латыни и переведенной впоследствии на многие европейские языки. В ней Георгий обратился к Понятовскому от лица всех православных жителей западной России, принужденных “влачить оковы”, возложенные на их совесть.

В речи Георгий не берется оправдывать православных, потому что безвинность их страданий и для него самого, и для всех слушателей очевидна. Белорусы, по словам Георгия не сделали никакого преступления ни “пред любезным Отечеством”, ни “пред Августейшими Королями”. При этом Конисский как гениальный оратор и тонкий дипломат строит фразу о верности “Отечеству” с некоторой долей двусмысленности: с одной стороны, в ней, очевидно, подразумевается Польша и ее Государи, однако с другой стороны, Георгий дает понять, что содержание понятия “Отечество” шире понятия “власть”, и для православных белорусов оно отождествляется со словом “Русь”, которую некогда, по словам Георгия, “Казимир Великий, знаменитейший Польский Король”, соединил с Польшею, не ущемляя при этом прав “Греко-Российской Церкви” [1, с. 84-85]. Указанная двусмысленность помимо прямых доводов Конисского должна была существенно повлиять на мнение польского короля, уже находившегося в известной зависимости от воли русской Императрицы Екатерины II.

Однако рассмотрение мемориала, поданного Конисским польскому правительству, надолго затянулось. Георгий включился в кропотливую работу по сбору историко-юридических данных в защиту западно-русских православных, дело которых во второй половине 1760-х гг. объединилось с делом польских протестантов под общим наименованием “диссидентского”. Даже после утверждения польским сеймом в феврале 1768 г. (13) трактата о правах диссидентов в реальной государственной и церковной жизни положение православных белорусов переменилось только после первого раздела Польского королевства между Россией, Пруссией и Австрией в 1772 г., когда к России отошла восточная часть Могилевской епархии.

Уже через месяц, в начале октября 1772 г. Конисский сообщал Священному Синоду о многочисленных просьбах со стороны священников и целых приходов вернуться в лоно Православной Церкви по их добровольному желанию.

В начале 1773 г. г. Конисский приехал в Санкт-Петербург и 10 марта в придворной церкви вновь непосредственно обратился к русской царице с речью. “Речь Ея Императорскому Величеству Великой Государыне Императрице и Самодержице Всероссийской Екатерине II-й, по случаю присоединения Белоруссии к Российской державе” является образцом торжественного красноречия в ораторской прозе Конисского.

Вспоминая обращение десятилетней давности к “всепресветлейшей” Императрице, когда Конисский “от Епархии своей приносил слезы и жалобы” русскому престолу, оратор исполняется великой радости, принося теперь “торжество духа и благодарение” единокровных. Будучи пастырем и братом белорусов, Георгий ощущает себя среди них, как “между Израилем, от Египта исходящим, между пленом Сионским, от Вавилона возвращающимся, между Христианами времен Константиновых” (мотив “тесного Египта” получает здесь свое развитие). Радость и торжество, которые белорусский епископ живописует, прибегая к цитированию восторженных слов благодарения древних людей к Богу из книг Ветхого и Нового Завета [Исх. 15,1; Псал. 125,3,5; и Лук. 1,68,78], по его мнению ни в чем упомянутым “древним и великим примерам” не уступают [1, с. 101].

Доказывает это Конисский тем, что белорусский народ был связан самыми тяжелыми из возможных земных уз – узами духовной неволи. А свобода совести, свобода “души” представляется Георгию основой человеческого существования. Освобождение от уз, которыми было запрещено белорусам “не просто ходить, но ходить путем спасения”, дает епископу моральное право сравнивать русскую Императрицу с величайшими фигурами освободителей древнего времени: пророком Моисеем, персидским царем Киром и, наконец, Равноапостольным Константином Великим, прекратившим в 325 г. по Рождестве Христовом гонения на христиан, от

крови которых Черное море было “очервленнным” (кроваво-красным). Это сравнение станет сквозным в ораторской прозе Конисского, во всех последующих церковных проповедях, и в особенности в “Словах на дни царские” – дни рождения и именин Екатерины – Георгий будет называть русскую царицу во всем подобной “Константину Равноапостолу”.

Георгий искренне радуется тому, что “времена знойныя” сменились наконец-таки “временами прохладными”, благодостными, и что “уже пленники толпами, яко потоки..., к матери своей Церкви, веселы текут”.

Свершившееся событие для белорусов Георгий считает поистине великим, веками желанным, но даже не чаянным своего рода общенациональным воскрешением из мертвых. Именно в этом залог благодарной памяти о русской Императрице, которая, по мысли Конисского не умрет в веках: “Доколе Моисей во устах и благодеяние Кирова в памяти Иудеев, а Константин во святом почитании Христианам пребудут незабвенны, дотоле Имя Екатерины Вторыя во устах и лик Ея, сияющий благочестием, премудростию, человеколюбием пребудет написан в сердцах освобожденного сего народа” [1, с. 102-103].

Конисский восторженно желает Екатерине долголетия моисеева, тишины царствования константинова и высшего небесного венца равноапостольного. Он надеется, что ревностное отношение к вере и к защите единоверцев продлится в лице наследника престола российского Великого Князя Павла Петровича.

В течение трех первых лет после разрешения униатам переходить в православие к Русской Церкви было присоединено 112.578 жителей. Этот процесс продолжался и в последующем, особенно усилившись после второго и третьего разделов Польши в середине 1790-х гг. В большинстве своем добровольное массовое возвращение к вере предков после почти двухсотлетнего пребывания в униатстве свидетельствовало не только о негативном отношении простого народа к униии – “холопской вере”, как ее называла уже полностью окатоличенная шляхта – но и о существенных особенностях национально-исторического самосознания белорусского народа, полагающего братскую близость именно с русскими и украинцами, а не с поляками и литвинами, воспринимающего Отечество в облике единой Руси. Сила и жизнеспособность общего восточнославянского духа поразительна, он существовал и продолжает существовать среди простых людей несмотря на длительные периоды политической раздробленности, порабощения, иноверия и даже безверия.

Список использованных источников

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литопр. Я.Н. Подземского, 1892. – 470 с.
2. Мартос, Афанасий. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / А. Мартос. – Минск : Белорусский Экзархат РПЦ, 1990. – 299 с.